

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

А.Г. ЗОРИХИН

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ЯПОНИИ ПРОТИВ РОССИИ

Противостояние спецслужб
на Дальнем Востоке.
1874—1922 гг.

Александр Геннадьевич Зорихин
Военная разведка
Японии против России.
Противостояние спецслужб
на Дальнем Востоке. 1874-1922
Серия «Новейшие исследования
по истории России», книга 43

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69061087

*Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб
на Дальнем Востоке. 1874 – 1922. / Зорихин А.Г.: Центрполиграф;*

Москва; 2023

ISBN 978-5-227-10318-5

Аннотация

Книга посвящена деятельности японской военной разведки против Российской империи и Советской России в 1874—1922 гг. В работе оценивается результативность деятельности японской военной разведки и отечественной контрразведки, прослеживается влияние информации специальных органов двух стран на принятие важнейших решений в сфере внешней политики и обороны. Подробно рассматриваются события

Русско-японской (1904—1905) и Гражданской (1918—1922) войн в контексте осуществления разведывательной деятельности. Книга написана на основе сравнительного анализа документов из российских и японских архивохранилищ с привлечением исследований из России, Японии, США и Польши. Все документы вводятся в научный оборот впервые.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Глава 1	25
§ 1. Первые шаги: «страна рос» в лучах восходящего солнца (1874–1899)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Зорихин
Военная разведка
Японии против России.
Противостояние
спецслужб на Дальнем
Востоке. 1874 – 1922

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Рецензенты:

д. и.н. Ю.С. Пестушко (г. Хабаровск)

д. и.н. Д.В. Лихарев (г. Владивосток)

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Зорихин А.Г., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Введение

Несмотря на обилие исследований о деятельности японской военной разведки против нашей страны, опубликованных в России и за рубежом, история японо-российского тайного противостояния в 1874–1922 гг. до сих пор остается малоизученной темой, хотя именно на эту эпоху пришлись Русско-японская, Первая мировая и Гражданская войны, в которых спецслужбам обеих стран довелось сыграть одну из ведущих ролей. Как правило, большинство исследователей оперируют российскими архивными документами и добросовестно тиражируют миф о широком размахе работы японских разведывательных органов против России, бездоказательно утверждая, что в отдельные годы численность их агентов на Дальнем Востоке, в Северной Маньчжурии и Забайкалье доходила до 4000 человек.

Но факты упорно свидетельствуют, что такой массовой агентурой в нашей стране не могла похвастаться ни одна из зарубежных спецслужб XX в. Тем не менее миф о тотальном проникновении японских шпионов во все слои русского общества кочует из одного исследования в другое. Однако феномен японской военной разведки заключается в том, что, используя ограниченный арсенал форм и методов деятельности и испытывая острый кадровый голод, она сыграла ведущую роль в выработке внешнеполитического курса им-

перии и в реализации экспансионистских замыслов Токио в 1894–1922 гг.

Поэтому объективное, основанное на анализе документов обеих сторон исследование деятельности японской военной разведки поможет всем профессиональным историкам и любителям, изучающим прошлое нашей страны и ее дальневосточной соседки, понять скрытые механизмы принятия руководством Японии судьбоносных решений по вопросам межгосударственных отношений, оценить степень влияния развединформации на изменение военно-политической доктрины империи в первой четверти XX века, благо сегодня архивные службы двух стран открыли свободный доступ желающим к ранее неизвестным материалам этой насыщенной войнами и коллизиями эпохи.

Кроме того, объективное представление о сильных и слабых сторонах работы военной разведки Японии против России в период интенсивной колонизации иностранцами российского Дальнего Востока и принятия царским правительством программы комплексного развития региона в масштабах всего государства позволит отечественным спецорганам скорректировать актуальную деятельность против зарубежных разведок, взявших на вооружение многое из японского опыта агентурного проникновения в нашу страну.

Особого внимания заслуживает изучение работы военной разведки Японии по дестабилизации обстановки на советском Дальнем Востоке в 1918 г., установлению ею неглас-

ных контактов с лидерами антисоветских организаций и командованием чехословацкого корпуса, поскольку использованные тогда формы и методы деятельности сегодня активно применяются зарубежными спецслужбами в тайных операциях против России в приграничных с ней странах и зонах ее национальных интересов.

Обращаясь к вопросу изучения японской военной разведки в *отечественной историографии*, необходимо отметить, что первые шаги в этом направлении были предприняты сразу же после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. В трудах отечественных исследователей того времени преобладала мысль о широком размахе и высокой эффективности работы японской военной разведки на Дальнем Востоке и Маньчжурии¹.

Первая мировая война и разразившаяся вслед за ней Гражданская война временно приостановили изучение истории японских спецслужб. Исключением стала публикация в журналах «Красный архив» и «Борьба классов» дешифрованной российским Министерством иностранных дел (МИД) переписки военного атташе Японии в России генерал-майора Исидзаки Дзэндзиро, сопровождавшаяся комментариями советских историков о характере русско-японских отношений и степени влияния на них японских военных представителей². Новый всплеск интереса к японской разведке в нашей стране произошел только в середине 1930-х гг., после захвата Маньчжурии Квантунской армией и вы-

хода ее частей к советской границе³.

Тогда наряду с работами публицистического плана появилось и первое закрытое научное исследование начальника кафедры разведки Военной академии имени М.В. Фрунзе К.к. Звонарева – «Японская разведывательная служба»⁴. Кроме того, в 1939 г. под псевдонимом А. Вотинов монографию «Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.» в открытой печати опубликовал начальник японского отделения 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР А.А. Вузовский⁵. Основное внимание в этих работах сосредоточилось на деятельности японской разведки накануне и в годы Русско-японской войны, а также на разведывательных операциях с позиций Маньчжурии после ее оккупации Квантунской армией.

В 1940-х гг. сотрудниками НКВД – МТБ СССР было подготовлено несколько закрытых исследований о японских разведывательных службах, отражавших их деятельность в рассматриваемый период (1874–1922)⁶. В последующие годы и вплоть до начала XXI в. основное внимание отечественных историков сосредоточилось на работе японской разведки против нашей страны накануне и в ходе Русско-японской войны, причем во всех исследованиях этот вопрос освещался фрагментарно с опорой только на российские первоисточники⁷. Исключением стала публикация в 1972 г. статьи владивостокского историка С.С. Паскова, в которой впервые с

привлечением японских источников рассматривались подготовка империи к осуществлению интервенции на советский Дальний Восток и роль в ней японской разведки⁸.

В то же время, как констатировал автор диссертации о противодействии советских спецорганов японской разведке в годы Великой Отечественной войны, научный сотрудник Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР полковник В.П. Ямпольский, в работах наших исследователей практически не затрагивалась деятельность японских военных миссий (ЯВМ) на Дальнем Востоке и в Забайкалье в период интервенции, оставаясь своеобразным белым пятном в изучении японских спецслужб⁹. Исключением стала монография И.И. Белоглазова, выпущенная в 1986 г., в которой рассматривались отдельные аспекты противоборства советской контрразведки с японскими военными миссиями в Забайкалье в 1920 г.¹⁰ Кроме того, ряд эпизодов участия сотрудников ЯВМ в дипломатических переговорах с представителями Дальневосточной республики (ДВР), а также их контакты с Г.М. Семеновым и Р.Ф. Унгерном был отражен С.С. Григорьевичем, С.Г. Лившицем, П.С. Парфеновым, М.И. Светачевым, Б.М. Шерешевским, А.Т. Якимовым¹¹.

После распада Советского Союза отечественные историки на волне «архивной революции» получили доступ к ранее закрытым материалам, в связи с чем появилось большое количество исследований по истории японской развед-

ки. Вопросы ее деятельности против России накануне и в ходе кампании 1904–1905 гг. были изучены А.В. Алепко, А.М. Буяковым, А.К. Жабицким, Д.М. Зайцевым, Д.Б. Павловым, Е.Ю. Сергеевым, впервые оценившими эффективность противодействия русской контрразведки противнику¹². В исследованиях Н.В. Грекова, И.С. Кирмеля, В.О. Зверева, В.В. Синиченко и Ю.С. Пестушко внимание акцентировалось на противодействии российских спецорганов японской разведке на Дальнем Востоке, в Сибири и Забайкалье в межвоенный период (1906–1914)¹³. Отдельные эпизоды из истории деятельности военной разведки Японии во время интервенции (1918–1922) нашли отражение в трудах А.А. Здановича, Л.В. Кураса, С.А. Куртинец, Ю.Н. Ципкина, М.В. Чепика¹⁴.

Однако существенным недостатком подавляющего большинства работ, написанных в нашей стране по исследуемой теме, является их опора только на российские архивные материалы, которые не позволяют в полном объеме раскрыть особенности деятельности японских разведывательных органов. В ряде работ присутствуют многочисленные ошибки, связанные с написанием имен и фамилий офицеров японской разведки, приводятся их искаженные биографические данные, даются неверные сведения о структуре и механизме функционирования разведорганов японской армии и военно-морского флота¹⁵.

Во многом эти недостатки преодолел владивостокский ис-

торик А.В. Полутов, специализировавшийся на изучении деятельности японской разведки в последней трети XIX – первой половине XX в. Его исследования базировались на документах МИД, Национального архива и Научно-исследовательского института обороны министерства национальной обороны Японии, а также на работах японских историков. Хотя главным объектом научных интересов А.В. Полутова являлась военно-морская разведка Японии, в ряде работ он впервые среди отечественных исследователей поставил вопрос о роли разведывательных органов императорской армии в подготовке к войне против России в 1903–1904 гг. и в интервенции на советский Дальний Восток в 1918–1922 гг.¹⁶.

Таким образом, анализ открытой отечественной историографии показывает, что деятельность разведывательных органов японской армии против Российской империи и Советской России в 1874–1922 гг. ранее не являлась предметом отдельного исследования и специальных работ, посвященных ее организации и активности в межвоенный период и в годы Гражданской войны, не существует.

В *европейской и американской историографии* фактическое изучение истории японской разведки началось после Второй мировой войны, когда в руки американских оккупационных властей попали архивы МИД и военного министерства Японии¹⁷.

В связи с этим большой интерес представляет исследование Дэниса и Пэгги Уорнэр «Прилив на восходе. Исто-

рия Русско-японской войны 1904–1905 гг.», базирующееся на работах японских историков и ранее не публиковавшихся архивных материалах, в котором анализируется деятельность японской военной разведки накануне и в годы войны с Россией. Этот же отрезок истории нашел отражение в диссертации американского историка Роберта Вэллианта «Япония и Транссибирская магистраль, 1885–1905» и в книге крупнейшего британского японоведа Яна Ниша «Японская разведка и канун Русско-японской войны»¹⁸.

Из числа работ, посвященных истории разведывательных органов японской армии периода «сибирской экспедиции» (1918–1922), необходимо отметить ставшую классической монографию американского историка Джэймса Морли «Японское проникновение в Сибирь, 1918», в которой впервые в научный оборот был введен большой объем фактического материала из японских архивов и опубликованной в 1924 г. Генштабом Японии «Истории сибирской экспедиции»¹⁹. Однако данная работа охватывала только 1917–1918 гг., поэтому дальнейшее освещение участия Японии и ее разведывательных органов в интервенции на советский Дальний Восток получило в работе Джэйми Вишера «Белый террор: казачьи атаманы Забайкалья», который, однако, при написании монографии опирался исключительно на архивы МИД Великобритании и США²⁰.

Кроме того, отдельная глава об истории создания и функ-

ционирования сети ЯВМ на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири и Северной Маньчжурии содержится в монографии немецкого япониста Свена Саалера, рассмотревшего участие японской военной разведки в организации системы контроля за марионеточными белыми режимами в период интервенции (1918–1922)²¹.

Необходимо, однако, констатировать отсутствие на Западе большого количества работ о деятельности японской разведки против России, что объясняется приоритетным вниманием американских и европейских историков к изучению роли разведывательных органов Японии в подготовке и развязывании агрессии на Тихом океане в годы Второй мировой войны.

В *японской историографии* изучение деятельности разведывательной службы японской армии против России началось в 1960-х гг., причем основным объектом внимания японских историков стала успешная работа разведки в годы Русско-японской и Второй мировой войн²².

Большой объем материала о деятельности японской разведки против России в 1904–1905 гг. содержат подготовленные в 1925 г. для слушателей Военно-штабного колледжа лекции начальника отдела истории иностранных армий Генштаба Тани Хисао, которые были переизданы в 1966 г. Одним из первых Тани ввел в научный оборот материалы о так называемой «токубэцу нимму» – разведывательно-диверси-

онной деятельности японской армии в тылу русских войск²³.

Кроме того, в библиотеке Научно-исследовательского института обороны министерства национальной обороны Японии хранятся неопубликованные монографии начальников никольск-уссурийской и благовещенской миссий Фукуда Хикосу-кэ и Югами Дзисабуро «Воспоминания о разведывательных органах северного направления», а также начальника хабаровской миссии Хигути Киитиро «Воспоминания о разведывательной деятельности на северном направлении», освещающие вклад японских спецорганов в реализацию экспансионистских планов Токио на материке в 1904–1918 гг.²⁴

В 1995 г. в свет вышло исследование полковника в отставке Арига Цутао «Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность», которое содержит большой объем сведений о работе центральных и периферийных органов японской разведки с 1871 по 1945 г., хотя отдельная глава, посвященная их активности против СССР, отсутствует²⁵.

Особый интерес для читателей представляют труды профессора университета «Мэйдзэ» из Нагоя Инаба Тихару, круг интересов которого охватывает деятельность японской военной разведки на российском Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Корее накануне и в годы Русско-японской войны, а также работа полковника Акаси Мотодзиро, ставшая объектом мифотворчества в западной и японской историографии.

Профессор Инаба ввел в научный оборот большое количество документов военного министерства, Генерального штаба и МИД Японии, считавшихся утраченными после Второй мировой войны²⁶.

Ряд эпизодов деятельности японской военной разведки накануне и в годы войны против России, а также ее партнерские отношения с Великобританией нашли отражение в опубликованной в 2002 г. историком Синохарой Матоси биографии генерала армии Фукусима Ясумаса²⁷.

Из числа недавних по времени работ следует отметить защищенную в 2021 г. в университете г. Турку диссертацию Масунаги Синго о деятельности органов военной разведки Японии против СССР в 1918–1940 гг. с позиций Прибалтики и Финляндии, одна из глав которой посвящена работе военных атташе империи в Риге и Таллине в период Гражданской войны (1918–1922)²⁸. Годом раньше исследователи Тонаи Юдзуру и Мацусигэ Мицухиро опубликовали запись устных воспоминаний бывшего военного министра Японии, одного из ведущих военных разведчиков-руссистов Араки Са-дао об участии разведорганов армии в подготовке и проведении «сибирской экспедиции»²⁹.

Кроме того, отдельные сведения о структуре и этапах развития японской военной разведки, а также подробные биографии ее сотрудников и руководителей размещены в «Полной энциклопедии японской армии и флота», «Общем об-

зоре личных дел генералов и адмиралов японской армии и флота. Раздел „Сухопутные войска“» и «Энциклопедии генералов японской императорской армии»³⁰.

Однако практически ни одна из упомянутых выше работ не дает целостного представления о деятельности японской военной разведки на русском направлении до и после Первой мировой войны, вплоть до вывода экспедиционных войск с советского Дальнего Востока. Попытку заполнить этот пробел предпринял японский историк Хара Тэрююки, который в своих исследованиях проанализировал деятельность спецслужб по подготовке «сибирской экспедиции» и налаживанию контактов с лидерами Белого движения в 1916–1922 гг.³¹ Эти же вопросы были затронуты и в изданной в 2016 г. работе Асада Масафуми «Сибирская экспедиция. Забытая семилетняя война современной Японии»³². Отдельная глава о периоде интервенции и участии в ней японской военной разведки также есть в монографии бывшего сотрудника харбинской военной миссии полковника Нисихара Юкио³³.

Таким образом, можно констатировать, что японская историография акцентирует внимание на деятельности военной разведки против России накануне и в годы успешной Русско-японской войны, обходя стороной участие японских спецслужб в реализации провальной для Токио «сибирской экспедиции».

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что, несмотря на наличие в отечественной и зарубежной исторической науке исследований о деятельности органов военной разведки Японии против России и СССР, период с 1874 по 1922 г. изучен недостаточно полно и нуждается в специальном рассмотрении.

Поэтому выносимая на суд читателей работа представляет собой первое в нашей стране комплексное исследование по истории возникновения, развития и функционирования органов военной разведки Японии в первой четверти XX в., написанное в сопоставлении российских и японских первоисточников. Хронологические рамки данной книги охватывают период с 1874 по 1922 г. Нижний рубеж связан с началом деятельности первого резидента японской военной разведки в России под прикрытием должности сотрудника дипломатической миссии в Санкт-Петербурге, а вывод японских экспедиционных войск с территории советского Дальнего Востока в октябре 1922 г. обусловил верхнюю границу, хотя в ряде случаев эти границы сдвигаются, что вызвано необходимостью проследить отдельные аспекты деятельности органов военной разведки Японии против нашей страны.

Территориальные рамки книги в основном ограничены Японией, Китаем, Кореей, Россией, однако в некоторых главах для всестороннего рассмотрения затронутой проблематики они включают Европу и Ближний Восток.

При подготовке исследования автором было использовано большое количество разнообразных источников, главным образом опубликованных материалов и ранее не вводившихся в научный оборот архивных документов на русском, английском и японском языках.

Опубликованные источники условно поделены на две группы. К *первой* группе относятся сборники договоров и дипломатических документов, касающихся Дальнего Востока, служебная переписка Министерства иностранных дел и центральных органов военного управления Японии, справочные материалы о ходе Русско-японской войны и состоянии Вооруженных сил Российской империи в 1903–1914 гг., директивы Главного командования Красной армии³⁴.

Вторую группу составляют источники личного происхождения – воспоминания руководителей Белого движения и сотрудников английской и японской разведок. Среди них – мемуары бывшего Верховного главнокомандующего всеми Вооруженными силами в Сибири В.Г. Болдырева, бывшего Верховного главнокомандующего Дальневосточной армией Г.М. Семенова, британского наблюдателя при японской армии генерал-майора Яна Гамильтона, сотрудников японской разведки в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Хабаровске, Омске, Благовещенске и Харачине Акаси Мотодзиро, Савада Сигэру, Хигути Киитиро, Исимицу Макиё и Кавахара Мисако. При всей субъективности этого вида источников зачастую именно он раскрывает содержание рассматриваемых

мых событий в силу отсутствия достаточной документальной базы³⁵.

Архивную основу книги составили две группы материалов Российского государственного военного архива, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Хабаровского края и Центрального пограничного музея Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

В *первую группу* вошли доклады органов жандармерии и военной контрразведки Российской империи о наблюдении за лицами, подозреваемыми в шпионаже в пользу Японии, следственные материалы на разоблаченных японских разведчиков и их агентов, справки разведывательных и контрразведывательных отделений штабов Приамурского и Иркутского военных округов об агентурном проникновении в разведывательные центры Японии в Маньчжурии, служебная переписка Приамурского генерал-губернаторства с МВД и МИД о мерах по борьбе с японским шпионажем в 1880–1917 гг. В первую очередь это фонды Департамента полиции МВД и Отдельного корпуса жандармов, хранящиеся в ГАРФ, фонды Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) в РГВИА, жандармских органов в РГИА ДВ и ГАХК, материалы органов пограничной охраны в ЦПМ

ФСБ РФ, содержащие подлинники переписки указанных ведомств о деятельности японской военной разведки до начала Гражданской войны³⁶.

Вторая группа представлена документами польской военной разведки, контрразведывательных служб правительств А.В. Колчака и ДВР за 1918–1922 гг. о деятельности разведывательных органов японской армии на территории Дальнего Востока, Забайкалья, Сибири, Европы, дипломатической перепиской областных управлений ДВР с японскими военными миссиями, коллекцией изъятых агентурным путем материалов японской разведки. Основная масса первоисточников сосредоточена в фондах Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) в РГАСПИ, в фондах Военного совета Народно-революционной армии ДВР и отдела контрразведки колчаковской армии в РГВА, а также в фондах Дальистпарта в ГАХК, фондах белых правительств в ГАРФ и Приморского облотдела ГПО ДВР в РГИА ДВ³⁷.

В исследовании также использованы документы на японском языке, постоянно хранящиеся в архиве Научно-исследовательского института обороны министерства национальной обороны (НИНО МНО), архиве министерства иностранных дел, Национальном архиве Японии и в Библиотеке Токійского университета Васэда. Их также можно условно разделить на две категории.

К *первой* относятся императорские указы, нормативно-правовые акты кабинета министров, военного министерства,

Генерального штаба, регулирующие деятельность разведывательных органов армии и флота, планирующая и финансовая документация различных ведомств³⁸.

Во *вторую категорию* попали доклады военных атташе, руководителей японских военных миссий и резидентов Генштаба в России, Китае, Маньчжурии и Корее, донесения разведывательных органов соединений и объединений сухопутных войск на Северо-Маньчжурском, Дальневосточном и Забайкальском театрах военных действий, служебная переписка МИД и военного министерства по различным вопросам оперативного взаимодействия. Анализ этих документов позволяет оценить методы и направления деятельности японской военной разведки против Российской империи и Советской России в 1874–1922 гг., проанализировать влияние разведывательной информации на выработку решений военно-политическим руководством Японии³⁹.

Необходимо отметить, что, хотя подавляющее большинство вышеуказанных японских документов вводится в научный оборот впервые, ряд из них был опубликован в уже упомянутом труде Генштаба «История сибирской экспедиции, 1918–1922 гг.» и в первом томе выпущенного в 1998 г. справочника «Материалы разведывательной войны против СССР», в которые помещены отчеты командования Владивостокской экспедиционной армии, доклады военных миссий на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Северной Маньчжурии, разведывательная документация Генерального штаба,

Квантунской, Корейской и Сахалинской экспедиционной армий за 1918–1922 гг.⁴⁰

Все даты приводятся по григорианскому календарю (новому стилю). Современные названия населенных пунктов указаны в скобках.

Автор благодарит за помощь в написании книги д.и.н. Ю.С. Пестушко, д.и.н. Д.В. Лихарева, к.и.н. С.В. Тужилина, к.и.н. А.И. Гореликова, к.и.н. Р.С. Авилова, к.и.н. А.В. Полутона, В.Г. Зорихина, В.В. Овсянникова, А.С. Колесникова, А.М. Буякова, С.А. Куртинец, доктора наук Здзислава Капера, А.А. Кириченко, М.М. Зензину.

Глава 1

Военная разведка Японии против России в 1874–1905 гг

§ 1. Первые шаги: «страна рос» в лучах восходящего солнца (1874–1899)

Становление разведывательных органов японской армии происходило в последней четверти XIX в. в процессе создания регулярных вооруженных сил империи. Предпосылкой организации в Японии современной армии стала Реставрация Мэйдзи 1867–1868 гг., которая привела к серьезным социально-политическим и экономическим изменениям в японском обществе, затронув в первую очередь сословие самураев. В результате реформ Мэйдзи самурайство лишилось большинства своих привилегий, поскольку все сословия были уравнены в правах, ликвидированы княжества и институты наследственной власти, а в 1873 г. правительство частично отменило жалование самураев, так называемую «рисовую стипендию». Итогом реформ стало быстрое разорение большинства самураев, попавших в полную зависимость от ро-

стовщиков и купцов. Среди массы мелкого дворянства, составлявшего вместе с семьями 10 процентов населения Японии, крепло разочарование в результатах реформ и усиливалось желание найти выход из кризиса за счет внешней экспансии, где самурайство выступило бы главной ударной силой⁴¹.

Эти настроения, в частности, выразил военный министр Японии Сайго Такамори, опубликовавший в 1871 г. свою программу установления военно-феодальной диктатуры и завоевания Кореи⁴².

В том же году правительство Японии взяло курс на формирование регулярных вооруженных сил, отвечавших концепции «богатое государство – сильная армия». Военная реформа, по замыслу ее авторов, должна была окончательно ликвидировать сепаратизм местных самурайских отрядов, вливавшихся в регулярную армию, и привести к созданию мощных вооруженных сил, способных вести боевые действия на материке, где главным противником выступала Россия: в представленной военному министру 2 февраля 1872 г. записке его старшего заместителя Ямагата Аритомо, младшего заместителя по армии Сайго Цугумити и младшего заместителя по флоту Кавамура Сумиёси подчеркивалось, что «сегодня ощущается острая необходимость организации национальной обороны против восточной политики царской России, поэтому требуется в кратчайшие сроки закончить подготовку к столкновению с ней как с наиболее вероят-

ным противником, направив на это все силы нашего государства»⁴³. Причиной, побудившей японские военные круги закрепить за нашей страной статус главного противника, стала развернувшаяся с середины XIX в. борьба Санкт-Петербурга и Токио за обладание Сахалином и рост там группировки русских войск при полном отсутствии таковой со стороны Японии⁴⁴.

В рамках этой политики в июле 1871 г. японское правительство учредило Штабное бюро военного министерства, исполнявшее функции Генерального штаба. Согласно приказу по министерству № 57, в бюро предусматривалась должность старшего офицера, отвечавшего за планирование разведывательной деятельности, описание военной географии иностранных государств, а также за руководство агентурной разведкой и подготовку информационных докладов⁴⁵.

В течение нескольких лет Штабное бюро неоднократно меняло названия и структуру, пока в июне 1874 г. не приобрело окончательный вид. Первым в японской истории разведывательным органом армии стал 1-й отдел Штабного бюро, один из офицеров которого, согласно «Положению о 1-м отделе» от 8 июля 1874 г., ведал агентурной разведкой и руководил военными атташе при японских дипломатических миссиях за границей⁴⁶.

Реорганизация органов военного управления совпала по времени с подготовкой японского вторжения на Тайвань,

претензии на который Япония не скрывала с конца XVI в. Фактической целью этой акции явилась проверка реакции китайских властей на захват подконтрольных им территорий. В апреле 1874 г. японское правительство отправило на Тайвань более 3000 человек под командованием Сайто Такамори. Узнав о присутствии на острове японцев и их боях с местным населением, цинское правительство с мая 1874 г. начало переправлять на Тайвань войска для усиления местного гарнизона. В ноябре 1874 г., осознав свою неготовность к войне с Китаем и получив в качестве отступных 500 000 лянов серебра, Япония вывела войска с острова⁴⁷.

Тайваньская кампания продемонстрировала руководству империи неготовность армии к ведению масштабных войн, тем более что, несмотря на подписание 7 мая 1875 г. петербургского договора «Об обмене Сахалина на Курильские острова», в Японии вплоть до начала китайской экспансии в Корею в 1882 г. продолжали считать главным противником Россию⁴⁸. Одним из недочетов в организации вооруженных сил стало отсутствие центрального органа военного управления – Генерального штаба, поскольку вопросами планирования и руководства занимался военный министр. Поэтому под влиянием немецкого опыта 5 декабря 1878 г. Штабное бюро было выведено из подчинения военного министерства и преобразовано в самостоятельный орган военного управления с непосредственным подчинением императору – Генеральный штаб. Однако и в новой структуре военная раз-

ведка не получила дальнейшего организационного развития, рассредоточившись между Восточным (изучение Маньчжурии, Сибири, Камчатки и Сахалина) и Западным (изучение Кореи и Китая) бюро⁴⁹.

Радикальные изменения в организации японской армии и ее разведывательной службы произошли только в середине восьмидесятых годов XIX в., когда японское правительство пригласило группу немецких военных специалистов во главе с майором Клеменсом Якобом Меккелем. С учетом их рекомендаций 22 июля 1885 г. японский Генштаб перешел на новую организационно-штатную структуру, в которой военная разведка получила статус самостоятельного 2-го бюро, занимавшегося наряду с чисто разведывательными вопросами также оперативным планированием и боевой подготовкой личного состава вооруженных сил. Согласно организационно-штатному расписанию на 3 октября 1893 г., в мирное время во 2-м бюро служили 10 старших и младших, а также 10 прикомандированных офицеров⁵⁰.

Начальником 2-го бюро был назначен полковник Огава Матадзи, до этого руководивший Западным бюро. В японской армии он считался одним из ведущих специалистов по Китаю и, что немаловажно, обладал практическим опытом разведывательной деятельности, приобретенным в ходе годичной командировки на материк. 1 – й отдел (агентурная разведка) 2-го бюро возглавил бывший военный атташе в

России подполковник Ямамото Киёката⁵¹.

Развитие армии и флота Японии происходило на фоне усиливавшихся экспансионистских тенденций во внешней политике империи. По мере укрепления позиций Японии в борьбе с Великобританией, Германией, Россией, Францией и США за дальневосточные рынки сбыта основной задачей для государства стала колонизация Кореи. В 1876 г. японское правительство признало независимость Кореи, рассчитывая таким образом ослабить китайское влияние в этой стране. В 1882 г. был подписан второй японо-корейский договор, согласно которому Япония получила право держать свои войска в Сеуле для охраны дипломатической миссии. Кроме того, Япония усилила свою экономическую экспансию в Корею, что вызвало недовольство цинского правительства и привело к обострению японо-китайских противоречий. В борьбе с Китаем за корейский рынок Япония была готова пойти на самые решительные меры, поэтому в 1882 г. приняла восьмилетнюю программу увеличения мощи сухопутных войск и флота.

Именно в Китае японская военная разведка приобрела первый опыт агентурной работы на территории иностранного государства. Еще не закончив оптимизацию структуры разведорганов вооруженных сил, в августе 1872 г. военное министерство командировало в Южную Маньчжурию майора Икэноуэ Сиро и капитана Такэти Кумакити, которые стали первыми в истории японской разведки ее зарубежными

резидентами. Спустя полгода Южный Китай посетил майор Каба-яма Сики, а в феврале 1875 г. военное министерство направило на материк в качестве военного атташе при японском посольстве своего резидента полковника Фукухара Кадзукацу. Несмотря на временное прекращение разведывательной деятельности в Китае с легальных позиций после его отъезда в апреле следующего года, японцы продолжали получать большой объем информации о китайской армии и внутренней политике цинского правительства от регулярно командированных на материк под видом студентов и частных предпринимателей сотрудников военной разведки. Уже к сентябрю 1879 г. в Китае работало 18 офицеров Западного бюро и 16 стажеров китайского языка, формально не являвшихся военнослужащими, но числившихся за гш, в то время как в России, Германии, Франции и Корее находилось по одному-два сотрудника военной разведки⁵².

Осенью того же года Генеральный штаб направил в Китай группу из 10 старших офицеров во главе с начальником Западного бюро подполковником Кацура Таро для изучения китайской армии и топографии страны. В 1880 г. возобновил работу аппарат военного атташе при японском посольстве, действовавший совместно с нелегальными резидентурами Генерального штаба в Гуаньчжоу, Пекине, Шанхае и периодически командироваемыми на материк оперативными группами центрального аппарата военной разведки. На основе собранных ими материалов в 1888 г. начальник 2-го бю-

ро Огава Матадзи подготовил «Основной план военной экспедиции в государство Цин», в котором пришел к выводу о неготовности Китая к отражению японского нападения⁵³.

Эта информация была перепроверена и уточнена в ходе разведывательной поездки в Китай и Корею весной 1893 г. заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом Каваками Сороку. Возглавляемая им оперативная группа в составе 7 офицеров в апреле посетила Пусан, Инчхон, Сеул и другие интересовавшие японскую разведку корейские города. Затем миссия Каваками прибыла в Китай. Местные власти не препятствовали японцам в изучении интересовавших их объектов. Каваками, в частности, осмотрел армейские арсеналы и машиностроительные заводы в Тяньцзине и Шанхае, посетил китайскую Военную академию, присутствовал на учениях артиллерийских и пехотных частей в районе Тяньцзина. Японские разведчики детально изучили боевой потенциал китайской армии, механизм функционирования цинской администрации, включая ее коррупционную составляющую, провели топографическую разведку вероятных театров военных действий. По возвращении в Японию в июле 1893 г. Каваками доложил начальнику Генштаба о неготовности китайской армии к отражению японской агрессии⁵⁴.

Успешная деятельность разведывательных органов Генерального штаба по информационному обеспечению руководства Японии достоверными сведениями о военном по-

тенциале Китая способствовала быстрому разгрому цинской армии в ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг. В результате этого скоротечного конфликта империя принудила цинское правительство к заключению 17 апреля 1895 г. Симоносэксского договора, согласно которому Япония оккупировала Ляодунский полуостров, острова Тайвань и Пэнхуледао, а также получила контрибуцию в размере 200 000 000 лян⁵⁵.

Однако значительные территориальные приобретения Японии вызвали негативную реакцию со стороны России, Германии и Франции, опасавшихся расширения японского экономического присутствия в Китае и новых захватов. Поэтому по инициативе Санкт-Петербурга три европейские державы вынудили Токио в апреле того же года отказаться от притязаний на Ляодунский полуостров, что превратило Россию в противника номер 1 в глазах японской общественности.

С учетом итогов японо-китайской войны указом от 9 мая 1896 г. император утвердил новую организационно-штатную структуру Генштаба. Численность его центрального аппарата выросла по сравнению с предыдущим периодом примерно на 35 процентов. В новой конфигурации Генерального штаба агентурной и топографической разведкой занималось только 3-е управление, в то время как вопросы оперативного планирования отошли в ведение 1-го управления. Согласно организационно-штатному расписанию на 13 июля 1896 г., в

мирное время в аппарате 3-го управления служили 8 старших и младших офицеров, а также 19 прикомандированных офицеров и унтер-офицеров⁵⁶.

Хотя новая конфигурация ГШ носила более сбалансированный по сравнению с 1874–1885 гг. характер, японское командование продолжало совершенствовать его структуру с учетом новой военно-политической обстановки. После отторжения Россией, Германией и Францией Ляодунского полуострова в апреле 1895 г., начала строительства в августе 1897 г. Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и подписания в марте 1898 г. соглашения с цинским Китаем о размещении русской военно-морской базы (ВМБ) в Порт-Артуре, по аналогии с прусским Генштабом японский 14 января 1899 г. был реорганизован на принципиально новой основе. Его ядром стали 1-е и 2-е управления, наделенные функциями оперативного планирования и сбора разведывательной информации на Европейском и Азиатском театрах военных действий. В структуре 1-го управления было образовано русское отделение, отвечавшее за сбор и обобщение данных о Российской империи с позиций Северной и Центральной Европы, Турции, Балканского полуострова, России, Кореи и Маньчжурии, а также за планирование боевых действий на случай войны между двумя государствами⁵⁷.

Начало разведывательной деятельности японской армии против нашей страны датируется 70-ми годами XIX в., когда

по инициативе военного министра Ямагата Аритомо за рубежом начали выезжать военные атташе (ВАТ) и военные стажеры. Первым зарубежным представителем армии стал направленный в Петербург в марте 1874 г. на должность «ученика секретаря дипломатической миссии 2-го разряда» майор Ямамото Киёката. Официальную аккредитацию военного атташе он получил только через пять лет и находился в российской столице до декабря 1881 г., что свидетельствовало о его высоком профессионализме⁵⁸.

Необходимо отметить, что деятельность всех заграничных представителей армии регулировалась наставлением Ямагата военному атташе в Германии майору Кацура Таро от 28 апреля 1875 г., служившим основным руководящим документом для них вплоть до конца Русско-японской войны. В соответствии с наставлением, военные атташе подчинялись главам соответствующих дипмиссий и могли использовать их линии связи для передачи своих отчетов и специальных разведывательных сводок по вопросам организации, боевого расписания армии страны пребывания, военной топографии, обстановки в стране и в мире в целом. В рамках решаемых ими задач военные атташе наделялись правом ведения агентурной разведки на условиях соблюдения строжайших мер конспирации и обязательного согласования деталей своей деятельности с главами миссий⁵⁹.

С момента образования органов военной разведки залогом их успешной работы являлось тесное взаимодействие с

министерством иностранных дел. Как правило, военное министерство заранее уведомляло МИД об отправке разведчиков за рубеж, сопровождая свои обращения запросами о предоставлении им заграничных паспортов и об оказании помощи японскими диппредставительствами в стране пребывания. Со своей стороны, внешнеполитическое ведомство не только обеспечивало военную разведку требуемыми документами, но также предоставляло ей свои линии связи для передачи зашифрованной корреспонденции, а в необходимых случаях подбирало и вербовало агентов в интересах Генерального штаба.

Приоритет в выдвижении кандидатов на должности военного атташе отдавался сотрудникам разведорганов или офицерам, прошедшим стажировку в ведущих армиях мира. Характерно, что из шести военных атташе Японии при дипмиссии в России в 1879–1904 гг. пятеро к моменту прибытия в Петербург уже обладали опытом разведывательной деятельности за границей⁶⁰.

Параллельно с аккредитацией военных атташе командование армии с конца XIX в. приступило к развертыванию сети легальных и нелегальных резидентур в ключевых странах Европы и Азии, направляя усилия на создание прочных агентурных позиций на российском Дальнем Востоке, в Маньчжурии, Китае и Корее как наиболее вероятных театрах военных действий.

Следует подчеркнуть, что японская разведка гибко варьи-

ровала формы прикрытия для направлявшихся за рубеж резидентов в зависимости от обстановки в стране пребывания, наличия двусторонних контактов в военной сфере и уровня профессиональной подготовки командиремых офицеров.

Разведку с легальных позиций вели так называемые «заграничные представители» («гайкоку тюдзайин») или «военные резиденты», которые по официальным каналам выезжали на стажировку в армии Великобритании, Германии, Италии, Франции, США и России. Согласно утвержденным 4 октября 1900 г. военным министром генералом армии Кацура Таро «Правилам для заграничных представителей», военные резиденты подчинялись начальнику Бюро военных дел военного министерства, который определял круг их служебных обязанностей и устанавливал размер должностного оклада. В стране пребывания резиденты поступали в распоряжение военного атташе и в большинстве ситуаций выполняли функции его помощников⁶¹.

В особых случаях Генштаб направлял за границу нелегальных резидентов («кайгай хакэнся»), оседавших в стране пребывания под видом сотрудников японских дипломатических и торговых миссий, стажеров-филологов, ученых или предпринимателей. Перед убытием за границу они исключались из списков по личному составу сухопутных войск и перечня уволенных в запас военнослужащих, переводились в непосредственное подчинение начальника Генерального штаба и только с его санкции могли осуществлять вербовку

агентов. Старший по званию резидент руководил остальными оперировавшими в зоне его ответственности разведчиками⁶².

Являясь составной частью государственного аппарата, японская военная разведка действовала в строгом соответствии с приоритетными задачами внутренней и внешней политики империи. В связи с тем, что с начала 80-х и до середины 90-х годов XIX в. разведка активно участвовала в подготовке и проведении военной кампании против Китая, ее деятельность на русском направлении носила второстепенный характер и сводилась к сбору интересующей Генштаб информации о военном потенциале России в Приамурском крае. При этом основным объектом разведывательных устремлений японцев в нашей стране был Владивосток, ставший опорным пунктом для сбора информации о регулярно заходившей туда с 1872 г. из Балтии эскадре Тихого океана и войсках образованного в 1884 г. Приамурского военного округа (ВО), 90 процентов стрелковых, артиллерийских и 60 процентов кавалерийских частей которого изначально дислоцировались в Южно-Уссурийском крае⁶³.

В разведывательной деятельности Генеральный штаб опирался в первую очередь на колонию японских мигрантов, интенсивно заселявших российский Дальний Восток со второй половины XIX в.: если в 1885 г. на Дальнем Востоке находилось 626 японцев, то в 1903 г. их было уже 4198 человек. Бурный рост японской диаспоры был обусловлен развитием

торгово-экономических отношений между двумя странами: японцы работали на строительстве Транссибирской и Уссурийской железных дорог, вели рыбный промысел, имели серьезные позиции в сфере обслуживания и торговли⁶⁴.

Владивостокская колония была крупнейшей и наиболее организованной японской диаспорой на российском Дальнем Востоке: число японских переселенцев в порту увеличилось с 50 человек в 1875 г. до 2996 в 1902 г.⁶⁵ Поэтому здесь постоянно функционировала резидентура Генштаба, прикрытием для которой служило учрежденное в 1876 г. коммерческое агентство Японии⁶⁶.

Первым резидентом японской военной разведки во Владивостоке стал в 1880 г. младший лейтенант Окадзаки. В апреле того же года к нему присоединились младший лейтенант Кикиути Сэцудзо и инженер-лейтенант Ито Ясуаки, которые, в зависимости от характера поставленных специальных задач, имели разные сроки командировок: Кикиути вернулся в Японию уже через год, а Ито оставался в порту до декабря 1882 г.⁶⁷

После повторного пребывания во Владивостоке лейтенанта Кикиути Сэцудзо (1882–1884) в мае 1885 г. там появился лейтенант Хагино Суэкичи, официально командированный в Россию для изучения коммерческого дела. Спустя три года его сменил лейтенант Фукабори Дзюндзо, прибывший в город «за собственный счет с научной целью». В дальнейшем

во Владивостоке постоянно действовали резиденты капитаны Мацуура Тэйдзо (1892–1895), Матида Кэйу (1899–1900), Муто Нобуёси (1900–1901), майоры Ямаока Кумадзи (1901–1903) и Исидзака Дзэндзиро (1903–1904), также находившиеся там под видом коммерсантов или стажеров русского языка. Исключением стал майор Ямаока Кумадзи, который легализовался во Владивостоке как ученый-геолог Ямаока Кэн. В ряде источников упоминается, что капитан Муто Нобуёси работал в порту под видом грузчика и служащего аптеки⁶⁸.

Объем решаемых владивостокской резидентурой задач увеличивался пропорционально росту группировки русских войск в Приморье и Северо-Восточном Китае. Если директива начальника Генштаба от 29 сентября 1900 г. предписывала резиденту Муто «обращать внимание на русскую военную активность на Дальнем Востоке, в особенности на перемещения пехотных частей и реализацию программы увеличения вооружений», то аналогичным приказом от 31 октября 1901 г. его преемнику Ямаоке вменялось в обязанность «собирать и докладывать информацию о передвижениях основных сил русской армии в Сибири и Северной Маньчжурии, военной обстановке в этих районах, а также исследовать топографию Приморья и провинции Цзилинь»⁶⁹.

Интерес японской разведки к Приамурскому военному округу, занимавшему территорию, сопоставимую по площади с Западной Европой, был не случаен: если на момент образования в июне 1884 г. он насчитывал только 12 пехотных

и линейных батальонов, 9 кавалерийских сотен и 24 орудия, то в период с 1898 по 1903 г. русская группировка войск на Дальнем Востоке и в Маньчжурии выросла с 37 пехотных батальонов, 34 кавалерийских эскадронов и сотен и 126 артиллерийских орудий до 68 пехотных батальонов, 56 кавалерийских эскадронов и сотен и 156 полевых орудий, что являлось результатом запущенной в 1896 г. пятилетней программы военного министерства по усилению округа в ответ на японское проникновение в Китай и Корею⁷⁰.

Для решения поставленных задач владивостокская резидентура располагала компактным агентурным аппаратом из главным образом осевших в порту японских торговцев. Большой объем информации Генштаб получал от коммерсанта Каваками Кэндзо. Он родился в 1868 г. в префектуре Сага, после окончания четырехлетней школы несколько лет занимался китобойным промыслом на токийской фирме «Гэйрё» и продажей табачных изделий в японской столице, а в ноябре 1884 г. переехал во Владивосток для работы в импортно-экспортной фирме и изучения русского языка. Предприимчивый соотечественник попал в поле зрения Хагино Суэкити, по заданиям которого вел разведку военных объектов Владивостока. В феврале 1888 г. агент на три года уехал в Японию для открытия собственной фирмы по поставке товаров в Россию из Осаки и Кобэ, однако в мае 1891 г. вернулся во Владивосток, где, как позднее писал в автобиографии, «управлял разными предприятиями, в том

числе был подрядчиком на строительстве казарм и других русских военных объектов»⁷¹.

Не менее колоритной являлась фигура другого агента владивостокской резидентуры, действовавшего одновременно с Каваками, – Абэ Норикё. Хотя он находился во Владивостоке как практикант по торговому делу от министерства торговли и сельского хозяйства Японии, Абэ одновременно представлял интересы ассоциации производителей черного чая префектуры Кумamoto и был внештатным корреспондентом газеты «Асахи», что позволило ему обзавестись широким кругом знакомств в Маньчжурии и на Дальнем Востоке⁷².

Кроме того, агентом военной разведки с 1893 по 1903 г. был глава владивостокского представительства пароходной компании «Нихон юсэн» Тарами Киити, который помимо выполнения разведывательных задач обеспечивал связью с ГШ и деньгами всех владивостокских резидентов, а в 1901 г. активно участвовал в организации харбинского разведаппарата Исимицу Макиё⁷³.

Владивостокской резидентуре также подчинялась группа квалифицированных агентов-японцев, собиравших разведывательную информацию под видом бродячих торговцев лекарственными средствами. 14 июля 1902 г. русская жандармерия задержала на станции Черкасская Южно-Уссурийского округа трех таких «знахарей» – Судзуки Дзюдзи, Сё-

но Коносукэ и Сию Магосити. При личном досмотре у них был изъят молитвенник с записями разведывательного характера, содержащий сведения о составе и количестве русских войск в Маньчжурии и Приморской области с отметками о действительном наименовании, численности воинских частей, количестве и типах орудий, боевом расписании войск в Приамурском, Сибирском, Казанском, Московском, Одесском военных округах, Квантунской области и прочем. По ходатайству коммерческого агента Каваками Тосицунэ задержанные лица весной следующего года были депортированы в Японию⁷⁴.

В 1895 г. японская военная разведка временно свернула деятельность во Владивостоке с легальных позиций, изыскивая более эффективные методы сбора интересующей армию информации о межвидовой группировке русских войск и оборонительных сооружениях края. Для изучения этой проблемы в августе 1896 г. Владивосток под видом туристов посетила оперативная группа Генштаба в составе начальника 2-го управления полковника Цутии Мицухара, его подчиненного капитана Ёды Сёкэй и сотрудника 3-го управления майора Ито Сюити⁷⁵. Ознакомившись с подготовленным ей докладом, начальник Генштаба утвердил план организации во Владивостоке нелегальной резидентуры под крышей религиозного храма Ниси Хонгандзи буддийской секты Дзёдо-син-сю, занимавшейся распространением своего вероучения в России.

Сотрудничество военной разведки с этой организацией началось накануне японо-китайской войны в 1894 г., когда заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Кавакामी Сороку и руководитель киотского отделения Ниси Хонгандзи Отани Кодзуи договорились об использовании филиалов секты в Китае, Монголии и Сибири для сбора разведывательной информации в интересах армии. Поэтому в апреле 1897 г. владивостокскую резидентуру возглавил капитан Ханада Наканосукэ, который под псевдонимом монаха Симидзу Сёгэцу занялся изучением и проповедованием буддизма, ради чего зимой 1899 г. совершил поездку в Иркутск через Цилинь, Чанчунь, Маньчжоули и Монголию⁷⁶.

Несмотря на успешную легализацию Ханада, Генштаб критически оценивал его работу на посту резидента, поэтому в августе 1899 г. во Владивосток прибыли начальник 1 – го управления полковник Тамура Иёдзо и сотрудники русского направления капитаны Матида Кэйю и Исимицу Макиё. На встрече, состоявшейся 26 августа, Тамура выразил крайнее недовольство работой Ханады, который за два года нахождения в России не направил в Токио ни одного доносения. Как выяснилось, резидент настолько проникся легендой буддийского проповедника, что забыл о своих непосредственных обязанностях главы разведывательной организации, поэтому в декабре 1899 г. был отозван в Японию⁷⁷.

Российские власти обратили внимание на деятельность религиозной общины. На заседании межведомственной ко-

миссии представителей МВД, Главного управления Генерального штаба и Морского Генерального штаба (МГШ) по организации контрразведывательной деятельности 28 марта 1909 г. отмечалось: «Наиболее серьезным разведывательным учреждением [Генерального штаба Японии] является нелегальное общество во Владивостоке „Урадзио кёрюминкай косоку“. Отделения этого общества раскинуты по всей Приморской области и Восточной Сибири. Живым связующим звеном между ними являются странствующие бонзы из секты Ниси Хонгандзи, кумирня которой имеется во Владивостоке, одним из жрецов которой был перед войной нынешний военный агент в Петербурге полковник Хагино»⁷⁸.

Если использование японской военной разведкой для прикрытия резидентуры владивостокского отделения секты еще соответствовало действительности, то упоминание Хагино и «Урадзио кёрюминкай» было явной ошибкой. Хагино Суэжиги действительно занимался агентурной разведкой во Владивостоке, но под видом коммерсанта, в 1892–1895 гг. находился на официальной стажировке в русской армии, по завершении которой в мае 1895 г. вернулся в Японию, был прикомандирован к Императорской верховной ставке в качестве переводчика российской прессы, после чего в 1896 г. снова посетил Россию в составе свиты принца Фусими-но мия Садатару-синно под своим настоящим именем⁷⁹, в то время как «Урадзио нихондзин кёрюминкай» («Общество проживающих во Владивостоке соотечественников») явля-

лось типичной организацией японских мигрантов, стремившихся иерархизировать и упорядочить свои отношения в соответствии с традиционным японским укладом.

Еще одна резидентура действовала в Благовещенске, являвшемся вторым по значимости гарнизоном Приамурского ВО: на момент образования округа в июне 1884 г. там дислоцировались управление конного полка Амурского казачьего войска, 2-й Восточно-Сибирский линейный батальон, артиллерийская батарея и конная сотня, прикрывавшие границу с Китаем от Сретенска до Хабаровска⁸⁰.

Зона ответственности благовещенской резидентуры охватывала Приамурье, Забайкалье, Иркутскую губернию, южную часть Енисейской губернии, а также китайскую провинцию Хэйлунцзян и Монголию, в то время как владивостокский разведаппарат отвечал за сбор информации в Приморье, Нижнем Приамурье, на Сахалине, в северной части Кореи и в китайской провинции Цзилинь⁸¹.

Малочисленность местной японской колонии и отсутствие надежных каналов связи делали работу прибывавших сюда резидентов неэффективной, поэтому вплоть до 1909 г. деятельность благовещенского разведоргана носила фрагментарный характер. Основы разведывательной организации в Приамурье заложил командированный в Благовещенск в июле 1884 г. для изучения русского языка владивостокский резидент Кикүти Сэцудзо. Спустя семь лет – в начале 1891 г. – в Приамурье побывал другой резидент из

Владивостока лейтенант Фукабори Дзюндзо. После того как в августе того же года он вернулся в Приморье по маршруту Нингута – Хунь-чунь, деятельность резидентуры временно прекратилась и не возобновлялась до появления в Благовещенске в октябре 1899 г. под видом стажера русского языка капитана запаса Исимицу Макиё (Кикүти Масамицу), приезд которого был, вероятно, связан с наращиванием в 1895 г. сил местного гарнизона до 2 линейных батальонов и 2 артиллерийских батарей с размещением там управления 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. Хотя Исимицу удалось завязать тесные отношения с ротмистром кавалерийского эскадрона Поповым, через которого он получал сведения о действиях русской армии во время Боксерского восстания, в августе 1900 г. японский разведчик через Владивосток убыл в Харбин для организации там резидентуры⁸².

Стоит добавить, что в 1880–1881 гг. в японском вицеконсульстве в Корсакове на Сахалине действовал резидент ГШ младший лейтенант Ока Тэйкэй под прикрытием должности практиканта русского языка, основной задачей которого, так же как и резидентов во Владивостоке Кикүти и Ито, являлось «изучение военной топографии, характера и обычаев местного населения»⁸³.

В европейской части России разведывательную деятельность по линии Генштаба вели военный атташе при японской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге и прико-

мандированные к нему офицеры-стажеры в русской армии.

Первыми стажерами в мае 1892 г. стали капитаны Ито Сюити, Куросава Гэндзабуро и лейтенант Хагино Суэкити, причем последние двое были зачислены в лейб-гвардии 4-й стрелковый императорской фамилии полк и прошли полный курс офицерской стажировки. Примечательно, что по возвращении стажеров домой весной 1895 г. Генштаб отошел от складывавшейся под влиянием прусского опыта практики откомандирования офицеров разведки в войска и оставил Куросава, Хагино и Ито в штатах 2-го (разведывательного) бюро⁸⁴.

Среди этих трех офицеров только Хагино накануне поездки владел русским языком и имел не только практический, но и руководящий опыт организации разведывательной деятельности, поскольку в ноябре 1891 г. был назначен главой вновь образованного русского отделения 2-го бюро, фактически являясь единственным его сотрудником. Перед отъездом Хагино, Ито и Куросава были приняты заместителем начальника Генштаба Каваками, который поставил перед ними задачу всесторонне изучить русские вооруженные силы, поскольку «Японии в союзе с Китаем в ближайшем будущем предстоит выступить против России». Более подробные директивы стажеры получили от начальника Бюро военных дел военного министерства генерал-майора Окасава Куваси: им надлежало изучать общее состояние русских вооруженных сил, систему организации военного призыва и мобилизации

конского состава, организацию армии мирного и военного времени, уровень подготовки военнослужащих, вести сбор информации о вооружении и военной технике, отслеживать строительство Транссибирской железной дороги и его влияние на состояние царской армии⁸⁵.

Находясь в России, японские офицеры не только прошли полный курс офицерской стажировки, но и совершили серию путешествий по стране: Куросава и Хагино, в частности, детально изучили северо-западную и центральноазиатскую части Российской империи. По возвращении домой весной 1895 г. они опубликовали в соавторстве книгу «Русская армия», а Хагино, кроме того, написал отдельную монографию «Русские штабные офицеры». Год спустя, сопровождая принца Фусими-но мня Садатару-синно в поездке на коронацию Николая II, капитан Хагино Суэкити при возвращении совершил путешествие по Сибири и Дальнему Востоку для изучения хода железнодорожного строительства: проплыв по Волге и Каме на пароходе, он преодолел участок от Уфы до Омска по железной дороге, затем совершил конный вояж от Томска до Иркутска, после чего вновь пароходом по Шилке и Амуру доплыл до Хабаровска и через Никольск-Уссурийский убыл во Владивосток⁸⁶.

Следующими стажерами должны были стать направленные в Россию в 1898 г. майор Фудзимуро Мацудзиро и капитан Танака Гиити. Им также предстояло познакомиться с организацией, подготовкой, вооружением русской армии,

ее оперативным искусством и системой мобилизации. По прибытии в Санкт-Петербург оба офицера незамедлительно приступили к изучению русского языка, однако разрешение на стажировку получили только в 1900 г. Так как к этому времени Фудзимуро уже покинул российскую столицу, на практику в 145-й Новочеркасский пехотный полк отправился Танака.

Характеризуя отношение царского правительства к командированным в Россию японским офицерам, 2 августа 1902 г. министр иностранных дел Комура Дзютаро отмечал: «Хотя в России ранее имелись случаи допуска наших военных представителей на службу в русскую армию или на боевые корабли, поскольку в последние годы репутация нашей империи крепла и ее вооруженные силы стали оцениваться весьма высоко, в русском правительстве сложилось очень неблагоприятное мнение относительно прохождения нашими офицерами стажировок в войсках и на кораблях. Поэтому было похоже на то, что майор Танака не сможет решить поставленные перед ним задачи. Тем не менее с начала 1900 г. позиция русского правительства к нашей стране изменилась в лучшую сторону, и в силу того, что стали появляться признаки дружелюбия по отношению к японскому правительству и нашим военным представителям, воспользовавшись удобным моментом, после серии переговоров и специальных консультаций майор Танака наконец получил разрешение пройти стажировку в Новочеркасском пехотном

полку в период с июля 1900 по июль 1901 г., где он нес обязанности военной службы наравне с русскими офицерами, что принесло большую пользу нашей армии, так как позволило на практике ознакомиться с постановкой русского военного дела»⁸⁷.

Естественно, что помимо изучения русского языка и российской военной науки Танака и Фудзимуро активно занимались разведкой. В сохранившейся переписке военного атташе полковника Мурата Адуси с Генштабом за март – июль 1899 г. содержатся собранные ими сведения о планах русского правительства по строительству трех веток Транссибирской и Туркестанской железных дорог на Чжанцзякоу, Хух-Хото, Кашгар, мерах по получению кредита у Великобритании для развития отечественной торговли и промышленности, основах российской политики в Китае, характере проводившихся в Казанском военном округе учений и предполагаемой отправке войск в Маньчжурию⁸⁸.

В июне 1902 г. Танака Гиити вернулся в Японию, используя поездку домой для изучения пропускной способности и инфраструктуры Транссибирской магистрали. Доехав до станции Карымское, затем по Китайско-Восточной железной дороге он добрался до Харбина, откуда речным и сухопутным путями проследовал по маршруту Хабаровск – Владивосток — Порт-Артур. С учетом приобретенных Танака знаний и опыта начальник Генерального штаба Ояма назначил

его главой русского отделения 1-го управления⁸⁹.

Нововведением в деятельности японской военной разведки стало использование ею направлявшихся в краткосрочные командировки в Россию (на три-четыре месяца) по определенным маршрутам или следовавших транзитом через нашу страну офицеров под видом стажеров-филологов и путешественников. Для сбора сведений эта категория разведчиков использовала методы визуального наблюдения, опроса населения и изучения местной печати. Получаемая таким образом информация позволяла Генштабу вносить оперативные коррективы в оценку обстановки на театре военных действий (ТВД) и при малочисленности разведывательных органов перенацеливать уже имевшийся агентурный аппарат на изучение конкретных военных объектов или коммуникаций⁹⁰.

Одним из первых российский Дальний Восток в мае – ноябре 1887 г. посетил кадровый разведчик, сотрудник 2-го бюро Генерального штаба капитан Нагаока Гаиси, побывавший в Корее, Владивостоке и Хабаровске⁹¹.

Всплеск активности японской военной разведки по отправке транзитников в нашу страну пришелся на 90-е годы XIX в., поскольку начало строительства Транссибирской железной дороги от Петербурга до Владивостока в марте 1891 г. и ее участка от Владивостока до Хабаровска (Уссурийская железная дорога) в мае 1891 г., в частности, вызва-

ло серьезное беспокойство у военно-политического руководства империи: еще в январе 1888 г. бывший начальник Генштаба Ямагата Аритомо подготовил памятную записку, в которой отметил, что сооружение Транссиба не только позволит России быстрее перебрасывать войска на Дальний Восток, но и спровоцирует ее на продвижение к незамерзающим портам Кореи⁹².

В этой связи в феврале 1892 – июне 1893 г. конный вояж по маршруту Берлин – Варшава – Ковно (Каунас) – Псков – Петербург – Новгород – Тверь – Москва – Владимир – Нижний Новгород – Казань – Омск – Семипалатинск – Улясутай – Урга (Улан-Батор) – Иркутск – Чита – Нерчинск – Благовещенск – Хабаровск – Владивосток – Пекин – Шанхай совершил японский военный атташе в Германии майор Фукусима Ясумаса. Главной целью его путешествия был сбор разведывательной информации, в том числе о строительстве Транссиба, однако Фукусима не встретил каких-либо препятствий со стороны русских властей, видевших в офицере любознательного путешественника. В письме приамурскому генерал-губернатору барону А.Н. Корфу, датированном 5 января 1892 г., начальник Главного штаба русской армии подробно описывал маршрут путешествия Фукусима и предлагал местным властям оказывать ему всяческое содействие. Собранная Фукусима информация легла в основу изданного в 1893 г. секретного справочника Генерального штаба «Топография Сибири»⁹³.

Полученная от него и из других источников информация только усилила алармистские настроения в руководстве Японии. В октябре 1893 г. председатель Тайного совета Ямагата Аритомо представил правительству записку об агрессивном характере внешней политики Петербурга, в которой высказал мнение, что блокированная на Балканах Россия устремила свой взор на восток и по завершении через 10 лет постройки Транссиба захватит Монголию и, весьма вероятно, Маньчжурию и Пекин, поэтому предложил значительно увеличить расходы на армию и флот. Еще сильнее враждебные настроения к Петербургу подогрела инициированная Россией в апреле 1895 г. Тройственная интервенция, которая привела к отказу Японии от аннексии Ляодунского полуострова. С подачи последовательно сменявших друг друга на должности военного министра Ямагата Аритомо и Ояма Ивао в том же году в недрах Генерального штаба родился проект увеличения армии с 7 до 13 пехотных дивизий для противодействия «вероятному вторжению России с севера в Маньчжурию и сохранения с ней военного баланса на материке», а главный инициатор этой идеи заместитель начальника Генштаба Каваками Сороку в ходе обсуждения с представителем парламентской партии Дзиюто вопроса об увеличении военных расходов заявил о неизбежной войне с Россией через 10 лет в связи с ускорением ею темпов строительства магистрали и наращиванием группировки войск в Маньчжурии для захвата этого региона⁹⁴.

В результате парламент 31 марта 1896 г. утвердил программу увеличения армии до 13 дивизий и создания мощного флота для достижения паритета с Санкт-Петербургом⁹⁵.

Являясь сторонником самых решительных мер, вплоть до нападения на Россию до окончания ею строительства дороги, Каваками 27 июля – 28 августа 1897 г. вместе с 3 офицерами разведки совершил официальную поездку в Приамурский ВО, в ходе которой посетил гарнизоны Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Никольск-Уссурийского (Уссурийска), Новокиевского (Краскино), а также осмотрел северный участок постройки Уссурийской магистрали. Кроме того, во время пребывания во Владивостоке Каваками тайно встретился с резидентом Ханада Наканосукэ, который предоставил ему «чрезвычайно ценную для понимания истинных российских намерений информацию», а в Хабаровске обсудил обстановку на Дальнем Востоке с путешествовавшими по России идеологом правого движения Утида Рёхэем и преподавателем русского языка Накано Дзиро⁹⁶.

Особую активность в отправке транзитников военная разведка проявила в 1898 г. в связи с завершением строительства Транссибирской железной дороги до Иркутска и подписанием российско-китайского договора об аренде Ляодунского полуострова. Только весной – летом 1898 г. в Забайкалье и на Дальнем Востоке побывали четыре офицера разведки, командированные Генштабом для изучения пропускной способности новой магистрали и русской военной ин-

фраструктуры.

Первым на Дальний Восток прибыл сотрудник 3-го управления майор Куросава Гэндзабуро, путешествовавший с «научной целью» из Европы через Сибирь, о чем в январе 1898 г. дальневосточные власти уведомил японский посланник в Санкт-Петербурге. Он, в частности, просил генерал-губернатора «сделать любезные распоряжения, чтобы майору Куросава было оказано возможное содействие». 31 марта 1898 г. Куросава прибыл в Никольск-Уссурийский, а 3 апреля – во Владивосток. Предполагая разведывательный характер его поездки, Приамурское генерал-губернаторство по распоряжению МВД установило за ним постоянное негласное наблюдение⁹⁷.

Затем в МИД с запросом на проезд из Германии в Японию через Иркутск, Хабаровск и Владивосток обратился военный стажер майор Нонака Кацуакира. Хотя российское министерство в связи с участвовавшими поездками японских граждан выдало разрешение на безостановочный проезд, 8 апреля Нонака все же остановился в Иркутске и осмотрел помещения конной казачьей сотни, резервного батальона и юнкерского училища⁹⁸.

Спустя полтора месяца в Иркутске побывали еще два японских разведчика – капитаны Дзикэмура Вакай и Инамура Синроку. Выехав из Пекина для изучения Монголии, в мае 1898 г. они прибыли в Чжанцзякоу, откуда отправились по маршруту Урга – Кяхта – Иркутск. Российские власти не

препятствовали им: в Урге Дзикэмура и Инамура получили у русского консула материальную помощь и рекомендательное письмо к главе полицейского участка в Кяхте. Прибыв в Иркутск 29 июня, японские офицеры посетили генерал-губернатора, у которого просили разрешения осмотреть резервный батальон и конную казачью сотню, а затем ознакомиться с ходом работ на Забайкальской и Китайско-Восточной железных дорогах. Хотя генерал-губернатор под благовидным предлогом отклонил просьбу японцев в осмотре войск, все же был вынужден сообщить им обобщенные сведения о железнодорожном строительстве⁹⁹.

Наконец, 24 июня разрешение на проезд по маршруту Иркутск – Хабаровск – Владивосток и далее в Японию получил военврач Хага, за которым, так же как и за всеми японскими офицерами, было установлено негласное наблюдение¹⁰⁰.

Правительство Японии придавало большое значение укреплению позиций разведки в Северо-Восточном Китае, ставшем в конце XIX в. сферой острого политического и экономического соперничества с Россией, поэтому начиная с 1878 г. систематически отправляло на материк офицеров Генерального штаба с задачей изучать военную топографию и транспортную инфраструктуру региона, вскрывать военно-политические намерения российских властей, обращая особое внимание на начавшееся в 1897 г. строительство КВЖД и формирование годом позже межвидовой группировки войск на Ляодунском полуострове.

Значительный интерес для японской военной разведки представлял Порт-Артур. Испытывая сложности в агентурном проникновении в эту крепость, 3-е управление Генерального штаба пришло к выводу о целесообразности организации деятельности по военно-морской базе с позиций расположенного на северном побережье Шаньдунского полуострова города Чифу (Яньтай), который был открыт для иностранных предпринимателей в 1862 г. на основании ранее подписанного англо-китайского договора о мире, дружбе и торговле.

Резидентура в Чифу была образована уже через месяц после ратификации российско-китайского договора об аренде южной части Ляодунского полуострова и прилегающих портов: 20 мая 1898 г. премьер-министр Японии Ито Хиробуми утвердил назначение резидентом капитана Танака Синсукэ¹⁰¹.

Первое из сохранившихся донесений Танака датировано 20 июня 1898 г. В нем резидент сообщал в Токио сведения о корабельном составе прибывшей в Порт-Артур и Дальний Тихоокеанской эскадры, численности и вооружении дислоцированных там частей русской армии, характере работ по расширению доков ВМБ. В последующих донесениях Танака систематически уточнял эти данные, оперативно докладывая в Генеральный штаб об изменениях в составе русской группировки на Ляодунском полуострове, наращивании сил британского и китайского флотов, базировавшихся на Вэй-

хайвэй и Циндао. Источниками информации для него служили работавшие в Порт-Артуре, Дальнем, Циндао и Вэйхайвэй японские и китайские граждане¹⁰².

Эта же линия в деятельности чифуской резидентуры сохранилась и после замены Танака в июле 1898 г. капитаном Ота Ясома, который использовал для агентурного проникновения на ВМБ японских торговцев в Чифу, имевших возможность в рамках своей коммерческой деятельности выезжать на Ляодунский полуостров. Итогом активных действий Ота по агентурному проникновению в крепость стал провал предпринимателя Фукухара Тадасукэ, арестованного 30 августа 1898 г. русскими властями во время черчения кроков города с нанесением батарей и расположения орудий фортов Порт-Артура. Впрочем, этот арест никак не отразился на судьбе обоих японцев: после судебного разбирательства Фукухара вернулся к своему коммерческому предприятию в Чифу, а Ота продолжил руководить резидентурой до июня 1900 г., когда созданный им разведывательный аппарат вновь возглавил капитан Танака Синсукэ¹⁰³.

Характеризуя деятельность японской разведки в России и Маньчжурии на рубеже XIX–XX вв., Военно-историческая комиссия Главного штаба по описанию Русско-японской войны дала ей в 1910 г. следующую оценку:

«Что же касается нашего противника, то служба шпионов, дело разведки и знакомство с соседними странами, или будущими врагами, или намеченными для будущей борьбы те-

атрами, были поставлены у него широко и организованы отлично [...].

Еще в 1898 г., в период наших переговоров с Китаем об аренде Порт-Артура, Главный штаб японской армии был занят выяснением целого ряда вопросов, имевших самое существенное значение в случае борьбы между нами и Японией. Он интересовался знать, могут ли войска Приамурского военного округа получить подкрепления из внутренних областей империи и из Западной Сибири, в каком именно размере и в какие сроки могут подойти эти подкрепления, на какие местные продовольственные и боевые запасы могут рассчитывать войска этого округа, можно ли устроить подвоз таких же запасов по внутренним сибирским путям из Западной Сибири и других областей России, какова вероятная провозоспособность будущего Сибирско-Маньчжурского рельсового пути, каков успех работ по сооружению дороги и предполагаемый срок их окончания.

Ответ на только что перечисленные вопросы был дан возвращавшимся в конце 1897 г. из Франции через Сибирь Генерального штаба майором Куросава [Гэндзабуро]. В связи с его работой, весной 1898 г. в Восточную Сибирь через Пекин, Ургу и Кяхту были направлены еще два других офицера японского Генерального штаба [капитаны Дзикэмура Вакай и Инамура Синроку], которым было поручено проехать из Забайкальской области вдоль строившейся в те дни Китайской Восточной железной дороги. Офицеры эти не бы-

ли, однако, пропущены нами в Маньчжурию и должны были вернуться обратно. Через четыре месяца по окончательном занятии Порт-Артура здесь уже был обнаружен и захвачен один из офицеров японского Генерального штаба (речь идет об агенте резидентуры в Чифу Фукухаре Тадасукэ. – *Авт.*), наблюдавший за нашими работами и изучавший подробности нового порядка вещей, оказавшегося в прежней китайской крепости. Но зато все остальные разведки японцев шли, по-видимому, без всяких помех. В 1898 г. всю Сибирь проехал майор Фукушима, будущий начальник штаба армии Куроки (в действительности путешествовал в 1892–1893 гг.; начальником штаба 1-й армии был генерал-майор Фудзии Сигэта. – *Авт.*), в 1899 г. в Приамурском крае побывал генерал Каваками (в действительности в 1897 г. – *Авт.*), в 1902 г. по Сибирскому железнодорожному пути и по Китайской Восточной железной дороге проехали из Европы в Японию японский принц Комацу и гр[аф] Мацуката с их свитой. Все эти лица уже непосредственными наблюдениями сводили в одно целое и подтверждали или закрепляли те сведения, которые периодически получались в Токио от многочисленных тайных агентов Японии, постоянно пребывавших во Владивостоке, Хабаровске, Порт-Артуре, Иркутске и в других пунктах нашей восточной окраины. „Заслуживает особого внимания, – сообщает [делопроизводитель генерал-квартирмейстерской части Главного штаба] подполковник [М.А.] Адабаш, – организованная японским

Главным штабом густая сеть шпионов в Восточной Сибири, Маньчжурии и Квантуне; зарегистрировано японцев в Порт-Артуре шестьсот тридцать, в Дальнем четыреста, в действительности их больше“»¹⁰⁴.

Необходимо, однако, отметить, что поступавшая в Генеральный штаб по различным каналам разведывательная информация о войсках Приамурского военного округа и Квантунского укрепленного района, хотя и была достаточно полной и отражала динамику изменения их состава, тем не менее по ряду показателей незначительно отличалась от реальных цифр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.